

Новое Божество земли, дрожа всем телом, указало пальцем на Рыбьего духа. Его голос заметно срывался:

— Я... Я думаю, он человек!

Ужас перед лицом неминуемой гибели лишил его остатков разума. Он крикнул, невзирая ни на что:

— Он точно человек! Слышите, точно!

Рыбий дух заскрежетал зубами. Коу Дун услышал, как сквозь этот скрежет прорвалось едва различимое, полное ненависти:

— Ах ты...

Тот резко оперся о подлокотник.

Величественное изваяние медленно повернулось и протянуло к нему каменную длань. Тусклое мерцание храмовых свечей едва рассеивало мрак, но в этом слабом круге света было отчетливо видно, как дрожит Рыбий дух.

Наконец он поднялся с кресла и застыл прямо напротив Нового Божества земли.

— Он точно человек! — вздохнул, путаясь в словах, затараторило Новое Божество земли. — Он сам говорил... Я знаю, он человек!

Коу Дун поморщился. Слушать это заискивающее бормотание было противно.

Дрожащей рукой Новый Туди ухватился за край чужой маски Нуо и сорвал ее. Под ней оказалось мертвенно-бледное мужское лицо — ни единой кровинки. Все замерли в напряженном ожидании. Минута шла за минутой, но ничего не происходило. Зато сам разоблаченный игрок бессильно осел на землю, его зрачки сузились от ужаса.

«Угадал».

Эта мысль пронеслась в голове у каждого, и сердца присутствующих тяжело ухнули вниз.

Новое Божество земли, напротив, так и просияло от дикого восторга. Он выронил маску и победно выкрикнул:

— Ну я же говорил! Сами смотрите! Он человек! Он обычный человек!

Его захлестнула безумная радость спасшегося от смерти безумца; он метался, требуя от каждого признать его правоту. Но стоило ему наткнуться взглядом на застывшие в креслах маски, как ликование мгновенно испарилось. Маски Нуо даже не пошевелились.

Они не смотрели на победителя. Их пустые глазницы были прикованы к обмякшему на полу мужчине.

«...»

До Нового Божества земли наконец дошел истинный смысл происходящего. Он медленно опустил голову и после недолгой нерешительности уставился на Рыбьего духа.

Рыбий дух закрыл лицо руками и вдруг испустил дикий, почти звериный вопль. В этом крике звенело такое беспросветное отчаяние, что у всех присутствующих мороз прошел по коже.

Нового Божества земли тоже затрясло. Он поспешно отвернулся и забормотал под нос:

— Ты только не обижайся... у меня не было выбора, сам понимаешь...

Разоблаченный игрок, казалось, превратился в живой труп. Он молчал. Теперь, когда его маска была сорвана, правда выплыла наружу: перед полчищем призраков стоял беззащитный человек.

Что ждет его этой ночью? О таком лучше было даже не думать.

Е Яньчжи нахмурился, его личико стало непривычно суровым.

— Жизнь за жизнь, — тихо произнес он.

Коу Дун промолчал, но на душе у него было скверно. Получалось, что для спасения людям нужно искать настоящих призраков. А если укажешь на своего — это чистой воды братоубийство.

Эта игра оказалась куда более беспощадной, чем он предполагал.

Лик божества, казалось, озарился довольной улыбкой. Идол вновь взял в руки гадальный стакан и потряс его. На этот раз выпала бирка с номером один.

Дрожащий от страха Номер Один — Черепаший дух — робко указал на восьмого игрока, который примерил на себя личину Чжун Куя.

Он заявил, что перед ними призрак.

Стоило сорвать маску Чжун Куя, как все увидели синекожую тварь с торчащими клыками. Облик монстра не имел ничего общего с человеческим. Это действительно был призрак!

Коу Дун облегченно перевел дух. Идол двинулся к разоблаченной нечисти, и вдруг прямо посреди его каменной ладони вспыхнуло пламя.

Огонь горел странным, пронзительно-голубым светом. Божество протянуло горящую руку к призраку, и пламя мгновенно перекинулось на его шевелюру.

— А-а-а-а!

Призрак дико закричал, пытаясь сбить огонь. Он катался по полу, но тщетно — пламя и не думало утихать. Синий огонь плотным коконом окутал его с головы до пят. Из ревущего пламени высунулась лишь одна обугленная рука, судорожно цепляющаяся за воздух.

— Спасите... — хрипел он, из последних сил повторяя одно и то же слово: — Спасите меня... Пожалуйста...

Никто не шелохнулся. Все прекрасно понимали: чужакам здесь сочувствия нет.

В воздухе поплыл тошнотворный запах горелой плоти, от которого волосы вставали дыбом.

Силуэт в пламени стремительно уменьшался, пока не превратился в обугленный обрубок, в котором уже невозможно было угадать очертания тела. Тлеющие останки рухнули на пол, и когда тяжелая каменная стопа идола наступила на них, они с тихим шорохом рассыпались в прах.

Страхнув с себя серую пыль, божество безмолвно развернулось и тяжелой поступью направилось обратно в глубь святилища.

Это был явный знак окончания совета, однако никто не посмел пошевелиться, пока грозный силуэт не скрылся за дверями храма. Лишь тогда игроки в масках начали медленно подниматься со своих мест.

Рыбий дух так и остался лежать на полу. Объятый ужасом, он не мог вымолвить ни слова, но его взгляд, устремленный на Нового Божества земли, был полон ядовитой злобы. Обычный молодой человек с непримечательным лицом сейчас смотрел так, будто в его глазах полыхал адский огонь, способный растерзать предателя на куски.

Новое Божество земли даже не взглянуло в его сторону. Опасливо семеня, он первым бросился

к выходу. Полы его длинного белого балахона взметнулись, и он мгновенно растворился в ночной темноте.

— Ну и тварь, — тихонько буркнула шедшая рядом Эрлан-шэнь.

Коу Дун повернулся к ней, призывая продолжить.

— Да я сегодня утром их видела, — пояснила она. — Это трусливое Божество земли тайком пробрался в храм, где его поймали деревенские. Уже костер разводить собирались, чтобы заживо сжечь, а парень его выручил.

Должно быть, когда они вместе удирали, Рыбий дух открылся ему, чтобы успокоить союзника. Он думал, что протянул руку помощи товарищу по несчастью, но не прошло и суток, как это откровение превратилось в его смертный приговор.

Какая уж тут благодарность — чистой воды нож в спину.

Выслушав ее, Коу Дун нахмурился еще сильнее. После недолгого молчания он обронил:

— Да уж, гнилой поступок.

Коу Дун не считал себя святым, но опускаться до подлости и губить других игроков точно не собирался.

Эрлан-шэнь все еще хмуро смотрела на несчастного. Она процедила сквозь зубы:

— Эх, разузнать бы, какую маску этот гаденыш нацепит завтра...

В ее голосе сквозила недвусмысленная угроза. Коу Дун уловил ее настрой и предостерегающе посмотрел на спутницу.

— Мы не можем знать наверняка, — осадил он ее. — Не стоит рубить с плеча.

Эта игра отличалась от прочих: малейшая оплошность здесь вела к немедленной гибели.

—...

Эрлан-шэнь ненадолго замолчала, переваривая его слова.

— Твоя правда, — вздохнула она и добавила тише: — К тому же... кто знает, может, он все-таки

выкарабкается? Должна же быть хоть какая-то лазейка.

Коу Дун ничего не ответил. На самом деле оба прекрасно понимали: шансов выжить у парня не осталось. Будь у него хоть малейшая надежда, он не лежал бы сейчас на полу, похожий на сломанную куклу.

Этой ночью сон к Коу Дуну так и не пришел. Он лежал в темноте и чутко прислушивался к каждому шороху. Далеко за полночь тишину разорвал истошный, леденящий душу вопль, полный невыразимой муки.

Коу Дун судорожно зажмурился.

Малыш Е Яньчжи, устроившийся рядом с ним на подушке, молча протянул крошечные ладошки и прикрыл его уши.

Он был совсем крохой, и его ладоней едва хватало, чтобы защитить Коу Дуна от этого кошмара.

Коу Дуна слегка затрясло — то ли от обострившейся чувствительности тела, то ли от подступившего липкого страха. Лежа на боку, он отчетливо слышал, как гулко и часто бьется в груди собственное сердце.

— Не думай об этом, — бескомпромиссным тоном велел Е Яньчжи.

Но выкинуть из головы страшные мысли было выше сил Коу Дуна.

— А-Цзай, мне кое-что кажется странным... — не открывая глаз, прошептал он.

— Что именно? — отозвался кроха.

Коу Дун запнулся, пытаясь подобрать верные слова.

— Сначала я думал, что каменный идол и призраки заодно, — наконец тихо заговорил он.

Но теперь стало ясно: это не так. Местное божество стояло превыше всех. Ему не было дела ни до живых, ни до мертвых. Все, чего оно хотело — развлечься. Как и утверждала Система, для него это была лишь забавная игра.

А они все — и люди, и нечисть — были лишь жалкими пешками, вынужденными насмерть драться друг с другом на этой безумной доске.

— А-Цзай...

Коу Дун повернулся на другой бок и, понизив голос до едва различимого шепота, спросил:

— Как думаешь... а над Системой тоже стоит такое же божество? Для которого и игроки, и NPC — просто куклы для потехи?

Е Яньчжи скосил глаза на висящую в воздухе полупрозрачную панель. Система хранила молчание, никаких предупреждений на ней пока не появлялось.

После короткой паузы он твердо ответил:

— Нет.

— Уж слишком ты в этом уверен, — вздохнул Коу Дун.

Е Яньчжи ровным голосом повторил:

— Не стоит. У этой Системы есть свои предпочтения. И своя цель.

Едва эти слова сорвались с его губ, как дремавшая доселе Система вспыхнула ядовито-красным светом. На экране одно за другим начали выскакивать предупреждения:

[Вы совершили нарушение!]

[Вы совершили нарушение!!]

[Вы совершили нарушение!!!]

Ему пришлось замолчать.

Коу Дун открыл глаза и недоуменно воззрился на малыша. Лицо юноши скрывала тяжелая маска Нуо, но Е Яньчжи без труда мог представить его взгляд: широко распахнутые темные глаза подрагивают под сенью длинных ресниц, ловя каждое его движение.

Он слишком хорошо знал своего Короля. Тончайшие оттенки чужих эмоций были известны ему до мелочей, никакое дерево не могло их скрыть.

А что касается предпочтений и истинной цели Системы...

Е Яньчжи провел пальцем по грозным резным чертам маски и покачал головой, так и не решившись продолжить.

Он промолчал о главном. Коу Дун не должен был знать, что единственная цель всей этой смертельной круговерти — он сам.

Только он один.

В этом безумном мире Коу Дун являлся высшей наградой. Единственным истинным богом.

Наступило Третье небо испытания, и Коу Дун понял, что его терпение на исходе — проклятая маска Нуо сидела у него поперек горла.

Глядя на развалившуюся на кровати уродливую марионеточную рожу свиньи Чжу Бацзе, он чувствовал, как у него дергается глаз. С его губ сорвался горестный вздох, обращенный к сыну-яйцу:

— Будь мы в реальности, у меня бы уже все лицо прыщами обсыпало под этой деревяшкой.

Каждый день таскать на себе эту тяжесть — с ума сойти можно. К тому же в этом раунде у игроков напрочь пропал аппетит, лишив Коу Дуна львиной доли его скромных жизненных радостей.

Что оставалось делать Е Яньчжи? Только послушно утешать его, уверяя, что нужно еще немного потерпеть и все скоро закончится. Разумеется, это была наглая ложь.

Коу Дун неохотно потянулся к маске, ворча под нос:

— Уж лучше бы я снова голышом в ванну полез...

Е Яньчжи красноречиво промолчал.

Умываясь, Коу Дун вдруг уловил доносящийся с улицы унылый грохот гонгов и завывание труб. Судя по похоронному звону, в деревне снова кто-то испустил дух.

Он привычно водрузил малыша себе на плечо и двинулся к выходу, но у самого порога замер как вкопанный.

Е Яньчжи тоже мгновенно понял причину заминки. Сквозь заунывные звуки первой процессии пробивался еще один, точно такой же похоронный перезвон.

Две процессии.

Сегодня хоронили сразу двоих.

— Какое поразительное совпадение, — пробормотал Коу Дун.

Действительно: в Первое небо погиб один игрок — и хоронили одного. Во Второе небо скончались двое — и покойников на кладбище несли двоих. Тот разоблаченный призрак, судя по всему, в счет не шел.

Между смертями и похоронами явно существовала прямая связь, разгадать которую Коу Дуну еще только предстояло.

Немного поразмыслив, он отбросил сомнения. На этот раз Коу Дун действовал без колебаний и привычно пристроился в хвост одной из похоронных процессий.

На полпути к кладбищу со стороны тропинки донеслось осторожное шипение:

— Эй! Пс-с, парень!

Коу Дун обернулся. Из кустов к нему торопливо пробиралась фигура в маске Эрлан-шэня. Тот факт, что к нему обратились знакомым женским голосом, слегка его озадачил.

— Твоя маска не изменилась? — спросил он.

— Ага, — кивнула Эрлан-шэнь. — Похоже, генератор случайных чисел снова выдал мне эту же рожу. — Она окинула Коу Дуна долгим взглядом и со вздохом добавила: — Так и знала, что застану тебя за слежкой. Ну у тебя и стальные яйца, конечно. Бездонной храбрости человек.

— Раз уж ты здесь, тем лучше, — оживился Коу Дун. — У меня как раз назрел один план.

Спутница смерила его подозрительным взглядом:

— Что еще за план?

Спустя пару минут Эрлан-шэнь стояла с отвисшей челюстью, тупо глядя перед собой.

Мать моя женщина... Это что за безумная затея?! Он вообще соображает, что собирается выставить несчастных NPC полными идиотами?!

— Ну так что? — подмигнул Коу Дун. — Ты в деле?

Эрлан-шэнь лишилась дара речи.

После недолгих колебаний она решительно рубанула воздухом:

— Была не была! Погнали.

В конце концов, другого выхода все равно не предвиделось. Не сидеть же сложа руки в ожидании, пока жребий падет на нее.

Соблюдая крайнюю осторожность, они двинулись следом за двумя похоронными процессиями, стараясь слиться с тенями деревьев. Держались на приличном расстоянии, но, к счастью, крестьяне шли молча и назад не оглядывались.

Вскоре толпы добрались до кладбища. Могилы, как назло, располагались прямо друг напротив друга. Остановившись у назначенных мест, деревенские дружно взялись за лопаты.

Притаившись за раскидистым кустом неподалеку от первой группы, Коу Дун заговорщически кивнул напарнице.

Устроившаяся с противоположной стороны Эрлан-шэнь набрала в грудь побольше воздуха, нагнулась, подобрала с земли увесистый камешек и швырнула его в сторону «своих» крестьян.

То ли у девицы сдали нервы, то ли прицел сбился, но камень просвистел мимо цели и с тихим стуком приземлился аккурат у ног Коу Дуна.

Коу Дун: «...»

Ну надо же, какой сказочный союзник.

Эрлан-шэнь сама испугалась собственной криворукости. К счастью, на шорох никто не обернулся. Оглядевшись по сторонам, она нащупала булыжник покрупнее.

В этот раз бросок вышел на славу: камень с глухим стуком угодил прямо в голень одному из могильщиков.

Тот охнул, потер ушибленное место и недоуменно уставился на копателей напротив.

А напротив стояла точно такая же толпа скорбящих односельчан.

Не теряя ни секунды, Коу Дун легким щелчком отправил свой камень в полет. Тот со свистом преодолел разделявшее их расстояние и прилетел в спину мужику из вражеского лагеря.

Пострадавший резко обернулся и встретился взглядом с недоумевающим обидчиком.

Несколько секунд обе стороны молча буравили друг друга глазами.

Еще при первой встрече Коу Дун уяснил, что кротким нравом местные жители не отличаются.

Даже с его выкрученным на максимум дружелюбием они едва не пустили его на шашлык, что наглядно демонстрировало степень их безумия. Тут, видать, от большой любви бьют до полусмерти, так что церемониться с какими-то соседями они точно не станут.

Ударенный по ноге мужик грозно шагнул вперед:

— Какой ублюдок кинул? Ты, что ли?

Оппонент взвился на дыбы:

— Слышь, ты на кого прешь?! Это ты в меня запустил, козел!

Фитиль был подожжен. Две пороховые бочки рванули одновременно, и словесная перепалка в мгновение ока переросла в грандиозное побоище.

— Сюда иди, сука!

— Сам иди, харю начищу! Охренели совсем, клеветают средь бела дня!..

Глядя на разразившуюся рукопашную, Коу Дун сочувственно поцокал языком и, не теряя времени, принялся споро раскапывать свежую могилу. Он-то думал, придется попотеть — например, выскочить из кустов с криками, что его обижают...

Оказалось, рассорить деревенских проще пареной репы.

Эрлан-шэнь бочком пробралась к нему. Ее лицо под маской выражало крайнюю степень изумления.

— Обалдеть... — прошептала она, косясь на дерущихся. — И они реально из-за двух камушков стенка на стенку пошли?

— А нам-то что? Пусть развлекаются, — довольно хмыкнул Коу Дун.

Пока идет потасовка, у них были развязаны руки.

Притаившись за надгробием, сообщники вовсю орудовали утащенной у селян лопатой. Время от времени они высывались наружу, проверяя, как продвигается крестьянский махач. Малыш Е Яньчжи, чинно скрестив ручки на груди, выступал в роли прораба: он деловито указывал, куда лучше подсунуть лопату как рычаг. Благодаря его советам они в два счета поддели крышку показавшегося из земли гроба.

Вопреки ожиданиям, гроб не пустовал. Внутри аккуратно лежали комплект чистой одежды и фотография какого-то мужчины.

Мужчина на снимке был запечатлен именно в этих вещах. Он мягко улыбался в объектив.

Заглянув через плечо Коу Дуна, Эрлан-шэнь разочарованно протянула:

— Ну и физиономия... Максимально банальная.

И это было чистой правдой. Внешность покойного не отличалась абсолютно ничем — ни единой зацепки для взгляда. Обычные глаза, обычный нос, стандартный рот. Стоило отвести взгляд, как образ мгновенно стирался из памяти.

Однако Коу Дун впился в снимок мертвой хваткой, натянув лоб гармошкой.

— Заметил что-то странное? — спросила Эрлан-шэнь.

Коу Дун помедлил, всматриваясь в черты лица на фото.

— Мне кажется... я его где-то видел.

— Видел? — удивилась она. — Да брось, где ты мог его встретить? Он же давно в земле сырой гниет.

Судя по густой поросли бурьяна на могиле, погребли его не один год назад.

Лицо незнакомца действительно было слишком серым и неприметным, поэтому полной уверенности у Коу Дуна не было. Немного поколебавшись, он решил припрятать снимок под просторную полу своей рясы.

Эрлан-шэнь молча проводила взглядом его манипуляции с одеждой.

Зато сидевший на плече кроха недовольно надулся. И пускай под верхним балахоном у Коу Дуна были плотные штаны, Е Яньчжи все равно почувствовал укол ревности.

— Веди себя приличнее, — буркнул он.

Тут до Коу Дуна дошло, что перед ним вообще-то стоит девушка. Он поспешно опустил полы одеяния и виновато улыбнулся:

— Ой, прости, вылетело из головы.

Всему виной были эти дурацкие мешковатые балахоны: они полностью скрадывали фигуру, а маски скрывали лица. С первого взгляда и не разберешь, кто перед тобой — парень или девчонка.

— Да ладно, забей, — отмахнулась Эрлан-шэнь. Она сделала пару шагов вперед и вдруг невзначай обронила: — А талия у тебя тонкая.

Коу Дун: «...???»

Звучало это, мягко говоря, весьма двусмысленно.

Крошечный Е Яньчжи мгновенно помрачнел, его щеки надулись от злости, и он испепеляющим взглядом уставился на наглую девицу.

«И дернул же черт позволить ей это заметить...» — сердито думал малыш.

Но та, кажется, просто пошутила. Она как ни в чем не бывало повернулась к выходу и окликнула застывшего напарника:

— Ну, идем?

—... Идем, — выдавил Коу Дун.

Они тихо прокрались обратно по тропинке и разделились у окраины деревни. Коу Дун сжимал в руке спрятанную фотографию, но его мысли то и дело возвращались к брошенной Эрлан-шэнем фразе.

Она не была похожа на обычную шутку.

И тон у нее был... странный.

Е Яньчжи, судя по всему, исходил ревностью. Сидя на плече у своего Короля, он без умолку бубнил о том, какая эта Эрлан-шэнь подозрительная:

— Сразу видно, девица с двойным дном. Чего это она высматривает?

Какое ей вообще дело до твоей талии?! Все равно обнять ее ей не светит!

Серьезные думы Коу Дуна тут же улетучились при виде этого забавного зрелища. Он прыснул со смеху, заметив, что А-Цзай ведет себя так, словно панически боится получить мачеху.

Е Яньчжи: «...»

Весь его праведный гнев мгновенно угас от этого нелепого заявления.

Какая, к чертям собачьим, мачеха?!

— Не переживай, — поддразнил его Коу Дун. — Даже если у тебя появится мачеха, я-то для тебя все равно останусь любящим папочкой.

В голове у Е Яньчжи с тихим звоном натянулась струна тревоги.

Этот тон...

— Хотя ладно, она точно не подходит, — рассудил Коу Дун.

Да и пол у нее неподходящий.

К тому же интуиция подсказывала ему, что эта Эрлан-шэнь — весьма непростая штука.

Е Яньчжи облегченно выдохнул... но лишь наполовину. Другие ведь тоже не подходят!

Он судорожно вцепился в прядь волос Коу Дуна и как бы невзначай поинтересовался, кто же тогда предел его мечтаний.

Над этим вопросом Коу Дун действительно когда-то размышлял. Он принялся деловито загибать пальцы:

— Ну... во-первых, повыше меня. Во-вторых, красавчик. И чтоб косая сажень в плечах, узкие бедра и ноги от ушей...

Крошечный человечек выслушал эти требования и уныло опустил взгляд на свои коротенькие конечности.

— Если оценивать пропорции, — уязвленно пролепетал он, — то у меня тоже ноги длинные.

Это заявление вызвало у Коу Дуна новый приступ безудержного хохота. Он смеялся так, что едва не согнулся пополам, упершись руками в колени. Кое-как отдышавшись, он с безграничной нежностью погладил малыша по голове:

— Конечно-конечно, мой ты длинноногий великан...

Е Яньчжи: «...»

Кое-кто явно нарывался на грубое наказание.

Затем он крепко задумался, и на душе у него снова заскребли кошки. Ладно все остальное, но сейчас он чисто физически не мог быть выше Коу Дуна.

Катастрофа.

Нужно пресечь любые попытки конкурентов еще в зародыше!

Он обнял Коу Дуна за мочку уха и, прижавшись к ней своей крохотной головкой, обиженно прошептал:

— А можно ты никого не будешь искать?

«Просто подожди, пока я вырасту, ладно?»

Коу Дуну, по правде говоря, было все равно. Он никогда не считал любовь предметом первой необходимости — ему и одному жилось припеваючи. Но видя, как забавно ревнует его А-Цзай, он просто не мог удержаться от соблазна подразнить малютку.

— Неужели так сильно не хочешь мачеху?

Е Яньчжи: «...»

Решив идти ва-банк, малыш сердито закивал головой.

«Да пусть хоть мачеха, лишь бы никого постороннего!»

Коу Дун довольно прищурился и решил облаглеть в край:

— Ну тогда назови меня папочкой.

Е Яньчжи: «...»

«Совсем я тебя разбаловал!»

— Ну же, скажи, — не унимался Коу Дун. — А то найду тебе отчима!

Е Яньчжи: «...»

Это было бы еще хуже!

Е Яньчжи захлестнула волна горькой обиды. Он долго и мучительно колебался, но в конце концов опустил глазки и, преодолевая жгучий стыд, едва слышно выдавил:

— Папа...

Его щеки вспыхнули пунцовым румянцем, и он поспешно уткнулся лицом в свои крохотные ручки.

«Радуйся, пока можешь. Тебе осталось резвиться считанные дни».

От этого робкого писка у Коу Дуна защемило сердце от нежности. Ему безумно захотелось зацеловать малыша, а в душе забурился безудержный океан отцовской любви. Поддавшись этому порыву, он подбросил кроху в воздух:

— Ох ты ж мой золотой! Настоящий папин сын!

Е Яньчжи, паря в невесомости, отчаянно замахал конечностями:

— Ану отпусти! Прекрати немедленно!

Какое бесстыдство!

«Я твой мужик вообще-то!!!»

Разумеется, этот мысленный протест остался без ответа. Коу Дун с упоением повторил веселую забаву еще несколько раз.

Когда безумный аттракцион наконец завершился, растрепанный Е Яньчжи едва ли не рычал от ярости. Он процедил сквозь зубы:

— Коу Дун, ты...

Договорить он не успел. Кроха резко выпрямился и уставился куда-то за спину юноши.

— Что там? — удивился Коу Дун.

Он обернулся и увидел деревенского жителя в белом траурном балахоне. Тот, судя по всему, только что вернулся с кладбища и теперь стоял у порога своего дома, старательно отряхивая пыль с одежды. Обычный крестьянин, самый заурядный вид.

Голос Е Яньчжи прозвучал натянуто, как струна:

— Он выглядит очень знакомым.

Коу Дун всмотрелся в лицо прохожего и внезапно почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он торопливо вытащил спрятанную фотографию и принялся миллиметр за миллиметром сверять изображение с оригиналом.

Ниточки бровей, узкие глаза — лицо, которое мгновенно терялось в толпе. Не обрати внимание А-Цзай, Коу Дун наверняка прошел бы мимо.

Но теперь, сравнивая их воочию, сомневаться не приходилось. Правда ослепляла своей очевидностью.

Человек перед ними и покойник на фотографии были одним и тем же лицом.

Абсолютно идентичным.

Но как такое возможно?

Коу Дун замер на месте, окончательно сбитый с толку.

Каким образом тот, кто должен был давно истлеть в могиле, сейчас преспокойно разгуливал по деревне, вернувшись в мир живых?